

Ю.Е. Прохоров

**Русский язык в современном
коммуникационном пространстве:
роль, место, лингвокультурная парадигма**

В статье рассмотрены проблемы соотношения русского языка и русской культуры в глобальном поликультурном общении.

Ключевые слова: язык; культура; межкультурное общение.

Часть 1

В результате глобальных социокультурных изменений, которые произошли в конце XX в. и продолжаются сегодня, русский язык как средство общения оказался в совершенно иной ситуации в мировом коммуникационном пространстве, ситуации, требующей и анализа, и осмысления. При этом короткий период его нового существования, с одной стороны, не позволяет делать однозначные выводы. Но с другой — уже требуют осмысления тенденции его сегодняшнего и будущего существования в этом пространстве. Причем движущей силой этой необходимости во многом являются не собственно «социолингвистический и филологический интересы», а именно лингвометодическая составляющая проблемы: чтобы понять, *как учить*, необходимо прежде всего ответить на вопросы: *зачем учить* и соответственно *чему учить* [4; 8]. Именно с этих позиций попробуем рассмотреть место и роль русского языка в мировом поликультурном и многоязычном пространстве и столь часто, но чрезвычайно невнятно упоминаемое «продвижение» русского языка в мире (или *в мир?*) как инструмента «мягкой силы» [9].

Реальное изменение статуса русского языка в современном коммуникационном пространстве в определенной степени неожиданно поставило перед специалистами ряд вопросов, касающихся, казалось бы, незыблемых общих понятий, которыми традиционно и спокойно пользовались социолингвисты и методисты: что же есть *мировой язык*, *государственный язык*, *родной язык*, *неродной язык*, *иностраннный язык*? Рассмотрим последние три понятия.

Сначала сошлемся на мнение Е.П. Белинской, чье исследование, основанное на анализе научных периодических изданий постсоветского пространства, имеет принципиальное значение для представления современной лингвистической, социолингвистической и лингвокультурной ситуации. С точки зрения ученого, увеличение за последние десятилетия смысловых характеристик понятия *язык* отражает объективную динамику лингвистической и социокультурной ситуации в нашей стране. Из состояния однородности и структурированности социолингвистическое пространство в этнопсихологическом дискурсе «не только смыслово усложняется и диверсифицируется, но и фактически “размывается”, что доказывается отсутствием в нем четких структурных оппозиций» [1: URL].

Причины такого положения дел видятся автору в следующем. Во-первых, сегодня коммуникативная и этнодифференцирующая функции языка более не являются центральными; ведущая роль начинает отводиться символической функции языка — «он мыслится только как основание национальной идентификации, за которой часто не стоит реальное языковое поведение» [Там же]. Во-вторых, имеет место реальный социолингвистический конфликт в ряде регионов постсоветского пространства, свидетельствующий о невозможности «выполнения бывшими *родными* языками, ставшими *государственными* и/или *национальными*, всего набора социальных функций в противовес русскому языку, который, субъективно оказавшись *чужим*, *новым* и даже *иностранным*, эти функции выполняет более успешно» [Там же]. В-третьих, будучи основным символическим средством национальной идентификации, родной язык не становится основанием социокультурной идентичности, он не способен к выполнению функции трансляции ценностей эмоционального и культурного порядка. «Но при этом и русский язык, даже будучи *общим* и *разговорным*, также не выполняет уже этих функций — в силу своей утвердившейся (и политически, и лингвистически) *чуждости*. В результате субъект этой “разорванной” лингвистической реальности становится человеком столь же “разорванного” самосознания и идентичности — национальной, гражданской, социокультурной» (курсив автора. — Ю. П.) [Там же].

Таким образом, даже такие понятия, как *родной язык* и *неродной язык*, нуждаются в переосмыслении с позиций сегодняшних реалий¹. Интересно, что последняя перепись населения России многократно фиксировала расхождения между тем, что сами граждане считают своей национальностью, и тем, какой язык они сами называют родным. Сегодняшняя практика приводит много примеров, когда в семье, где родители — носители разных языков (пусть один из них — русский), рождается ребенок, который проходит базовые этапы социализации в стране и культуре третьего языка. Какой язык он будет

¹ В связи со сказанным примечательным является название очень интересной и точной статьи О. Пуссинен: «*Домашний язык*». Стратегии функционирования русского языка в качестве *второго родного* (на примере русскоязычной диаспоры в Финляндии) (курсив мой. — Ю. П.) [7].

называть *родным*, если язык его *родины* не совпадает ни с одним из языков его родителей? Внутри страны обучение государственному языку (например, русскому) в ряде случаев также в полной мере относится к обучению *неродному языку*. Достаточно указать на полиэтнические классы во всех крупных городах России (и всего мира). А в некоторых ситуациях — а их объективно становится все больше! — обучение в другой стране русскому языку *как родному* (т. е. понимаемому как язык обоих родителей) является в реальности в системе образования обучением *русскому языку как иностранному*.

По отношению к русскому языку далеко не все исследователи готовы признать ту реальность, которая, на наш взгляд, очень точно зафиксирована редакторами сборника «*Slavica Helsingiensia*» — А. Мустайоки и Е. Протасовой в предисловии: «Вслед за ростом русскоязычных сообществ за пределами мест исконного проживания происходит появление русскоязычной печати, образования, литературы, искусства, торговли, сферы обслуживания и, соответственно, терминологии — иными словами, выстраивалась инфраструктура жизни на русском языке, функционирующая в соответствии с законодательствами и отвечающая потребностям тех стран, где она формировалась. Соответственно, развивается и новая прагматика русскоязычного общения, появляются новые, *ad hoc* созданные и отчасти в последующем нормализаторски закреплённые слова русского языка, не известные в метрополии. Конечно, *в определенном отношении такое положение дел способствует отчуждению русского языка от русского человека (по национальности, гражданству или стране проживания) как единственно возможного его носителя, а также позволяет смягчить требования к качеству владения языком и отделить русскость и русскую культуру от собственно языка*» (курсив мой. — Ю. П.) [6: с. 6].

Таким образом, складывается новое, по крайней мере для русского языка, и достаточно сложное соотношение языка и культуры с учетом потребностей данного языка как языка коммуникации в разных лингвокультурных коммуникативных пространствах, под которыми понимается совокупность сфер речевого общения. При этом определенная языковая личность может реализовать в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия:

- (русский)² язык функционирует внутри русской культуры, обеспечивая общение в различных коммуникативных пространствах носителей этого языка и этой культуры — *внутрикультурное состояние*;
- (русский) язык функционирует внутри русской культуры, обеспечивая общение в разных коммуникативных пространствах этой культуры носителей другого языка и другой культуры (например, мигрантов) — *околокультурное состояние* (большинство таких носителей не ассимилируются в «языке и культуре», а по необходимости «соблюдают ее» только в тех коммуникативных пространствах, где этого требует прагматика общения);

² В скобках, так как, по нашему мнению, это относится не только к русскому языку.

- (русский) язык функционирует внутри иной культуры, но обеспечивает общение его носителей в некотором наборе коммуникативных пространств (внутрисемейном, внутридиаспорном), при этом элементы родной культуры часто заменяются элементами окружающей культуры, хотя и сохраняются некоторые элементы родной для языка культуры — *внешнекультурное состояние*;
- (русский) язык функционирует как средство общения носителей / не носителей этого языка в рамках некоторой иной культуры, которая не является родной ни для языка, ни для его носителей (огромное количество коммуникативных пространств в сфере политики, экономики и даже различных бытовых ситуаций) — *внекультурное состояние* (например, для английского языка в настоящее время именно это его использование является основным).

В последнее время лингвисты, культурологи и методисты все больше обращают внимание именно на *внешнекультурное состояние* русского языка и русского речевого общения, что обусловлено социокультурными факторами его бытия. В современном европейском (да и не только) коммуникативном пространстве русский язык имеет специфику структуры и содержания коммуникации в прагматике его реализации по нескольким направлениям:

- общение в среде носителей русского языка вне русского лингвокультурного пространства;
- общение между представителями русского и русскоязычного европейского лингвокультурных пространств;
- общение между представителями русского лингвокультурного пространства и представителями европейского лингвокультурного пространства;
- общение между представителями отдельных регионов европейского лингвокультурного пространства.

Как справедливо отмечает В.Н. Белоусов, «разработка и внедрение современных подходов к изучению феномена межкультурной коммуникации, в основе которых лежит диалог языков и культур, обусловили необходимость описания *новых языковых состояний* и рассмотрения значимости русского языка как средства межнационального общения в сложившихся геополитических условиях» (курсив мой. — Ю. П.) [2: с. 10]. Изучение этих *языковых состояний* приводит к появлению таких новых для русского языка его осмыслений, как «теория георусистики», которая крайне неоднозначно воспринимается специалистами. Допуская вариативность русского языка в условиях иного лингвокультурного окружения, многие исследователи категорически не принимают рассуждения об этой вариативности как факте возникновения некоторого «национального» варианта русского языка. Очевидно, что на современном этапе «расхождений» говорить о возникновении «вариантов» действительно рано³. Если они (варианты) и возникают, то на уровне нормы,

³ Хотя существуют разные терминологические взгляды на эту проблему, например, см.: [10; 7].

а не системы языка. Вместе с тем анализ показывает, что постепенно эти изменения нормы входят «в систему», становятся для того или иного лингвокультурного пространства «системой» в речевом общении носителей русского языка, что и сохраняет собственно русский язык как лингвокультурный феномен единым и взаимопонятным в межкультурном общении.

О взаимоотношении нормы и культуры очень точно, на наш взгляд, пишет С.Г. Тер-Минасова: «Нормы, как правило, зарождаются из традиций, но затем, в отличие от традиций, они легитимизируются, санкционируются определенными письменными правилами. Соотношение норм и традиций — еще один параметр различия языков и культур: в некоторых западных культурах больше норм и меньше традиций, в восточных — и в России, стоящей на перепутье, — наоборот, меньше норм и больше традиций. Положение о том, что нормы культуры рождаются из традиций или в результате сознательной кодификации, что они узаконенные, то есть, “законные дети” традиции, обуславливает диалектичность процессов установления нормативности и развития культуры. Диалектичность эта проявляется в том, что культура — это и продукт, и источник нормативности, она одновременно и обогащает человека, и обедняет его, обедняет именно потому, что сдерживает его нормами, не дает реализовать все свои возможности» (курсив автора. — Ю. П.) [10: с. 29]. Мы согласны с тем, как С.Г. Тер-Минасова особо подчеркнула тот факт, что культурная норма — это и обогащающий, и обедняющий процесс. Для процесса преподавания русского языка как иностранного чрезвычайно важны обе эти тенденции. Ведь при родном языке (Я1) и родной культуре (К1) новый язык (Я2) и новая культура (К2) с точки зрения нормативности могут соотноситься по-разному:

- нормативность Я1 и К1 прежде всего схожа с нормативностью Я2 и К2;
- нормативность Я1 прежде всего схожа с нормативностью Я2, а нормативность К1 значительно отличается от нормативности К2;
- нормативность Я1 прежде всего отличается от нормативности Я2, а нормативность К1 схожа с нормативностью К2;
- нормативность Я1 и К1 прежде всего различаются с нормативностью Я2 и К2⁴.

«Отчуждение» русского языка, с одной стороны, от русской культуры (распад лингвокультурного феномена), а с другой — действительно, именно от *русскости* как этносоциокультурного феномена объективно приводит к созданию некоторых социокультурных разновидностей русского языка. Ничего парадоксального в этом отчуждении нет. Более того, даже в пределах одного государства с многонациональным составом при всей *базовой* и определяющей культуре всегда существуют национально-территориальные разновидности организации речевого общения на государственном языке (не на уровне

⁴ Уточнение «прежде всего» связано с тем, что в разных языках и культурах почти всегда можно обнаружить сходные элементы нормативного характера, определяемые некоторыми общими принципами организации человеческого бытия и собственно человека как социально-культурной особи.

хорошего/плохого знания его), а именно с учетом того, на «территории» какой действительности и культуры он обеспечивает существование личности.

С одной стороны, этот язык должен максимально быстро переключиться в обслуживании человека с одной культуры на другую культуру — этого требует сам процесс вживания/выживания. С другой — процесс осмысления новой действительности базируется определенное время на старом когнитивном багаже, «старой» культуре, поэтому процесс овладения новыми элементами речевого общения идет опережающими темпами, а «сознание» как бы «догоняет его» [3].

Здесь можно вспомнить разработанную В. Тэрнером теорию ситуации «ритуала перехода» и центральной фазы этого перехода — промежуточного «лиминального периода», во время которого особенности ритуального субъекта («переходящего») двойственны — он проходит через ту область культуры, у которой для него пока очень мало или вовсе нет свойств прошлого или будущего состояний [11].

Происходит первая стадия «перехода» — от русской языковой личности к русскоязычной личности. С точки зрения организации этой языковой личности (по Ю.Н. Караулову), которая включает в себя вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни, на этой стадии влияние изменения прагматики общения больше трансформирует вербально-семантический уровень, при значительном сохранении базового когнитивного уровня.

Вторая стадия перехода — переход от русскоязычной личности к русскоговорящей личности. Общение на русском языке сохраняется в конкретных коммуникативных пространствах достаточно ограниченных количественно и по числу участников, которые соотнесены прежде всего с новой, не базовой для этого языка культурой. Коммуникация строится на всех трех уровнях с учетом этой культуры, причем когнитивный и прагматический уровни, обусловленные новой культурой, полностью определяют вербально-семантическое содержание речевого общения.

В современном глобальном коммуникативном пространстве, когда коммуникация между представителями различных форм коммуникативного поведения чаще всего проходит на одном языке — английском, можно выделить две противоположные тенденции:

- под единый язык подстраиваются различные национальные модели общения, создавая тем самым некоторую «эсперант-культуру», позволяющую нивелировать эти национальные различия;
- усиление влияния «эсперант-культуры» приводит к обострению внимания к национально-культурным особенностям общения как показателю национально-культурной идентификации каждой личности и всех носителей данного языка и данной культуры в целом.

Помимо сказанного, не следует игнорировать и обратную реальность. На наш взгляд, собственно коммуникация содержит три неслиянных, но и неразсторжимых составляющих. «Это — фигура действительности, в сфере

реально и объективно заданных условий которой она осуществляется, и две фигуры, обеспечивающих ее содержательно-языковую основу: *текст* во всех его проявлениях, который даже “в образе” не отрывен от языка, и *дискурс* — содержательно-речевую основу, собственно вербальное и обычно с невербальным компонентом взаимодействие участников коммуникации. Но при этом все три составляющие находятся в динамическом взаимосоответствии. Так, изменение действительности влечет за собой изменение текста и дискурса; появление новых текстов о том же аспекте действительности приводит к вероятности вариативности дискурса; реализация другого дискурса в коммуникации требует ее участников обращаться к другим текстам и иначе оценивать фигуру действительности. Самый простой пример — иное, чем первоначальное, восприятие социального статуса участника коммуникации при реализации им определенных текстов и дискурсов и т. д.» [7: с. 45].

«Выделенные выше составляющие коммуникации определены нами следующим образом. *Экстравертивная фигура коммуникации* — дискурс: совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности. *Интровертивная фигура коммуникации* — текст: совокупность правил организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности. *Материальная фигура коммуникации* — действительность: совокупность материальных условий осуществления коммуникации представителей данной лингвокультурной общности» [Там же].

Этот конструкт был соотнесен нами с понятием голограммы⁵. Возникающая картина, содержащая полную информацию об объекте, фиксируется на светочувствительной поверхности. Данный метод, применимый к волнам любой природы и любого диапазона частот, может быть использован для распознавания образов, для кодирования информации (курсив мой. — Ю. П.) [10: с. 322]. Выделенные курсивом слова в полной мере соотносятся и с рассматриваемым нами объектом. Во-первых, «между действительностью, текстом и дискурсом, если они неслиянны и нерасторжимы, именно интерференция (наложение, приводящее к усилению или ослаблению) является основой их взаимодействия. При изменении действительности эти изменения накладываются и на текст, и на дискурс, приводя к усилению в коммуникации роли одного и ослаблению роли другого; при изменении качества и (или) объема имплицитной текстовой информации изменяется и дискурс; при потребности изменения роли дискурса усиливается или ослабляется роль текстовой составляющей коммуникации и т. п. Во-вторых, и для кодирования информации, и для распознавания объектов важна взаимосвязь всех трех элементов коммуникации» [7: с. 52].

При внешнекультурном состоянии связки языка и культуры наблюдается постоянно прогрессирующая конгруэнция элементов голограммы — беспрерывно варьируемое соотнесение всех трех сфер с учетом языка и условий

⁵ Голограмма — метод получения изображения объекта, основанный на интерференции волн.

общения. Соответственно, изменение фигуры действительности объективно и неизбежно вызывает изменения текста и дискурса.

При внешнекультурном состоянии происходит, на наш взгляд, еще один процесс. Русский язык используется в очень ограниченном количестве коммуникативных пространств — в основных ситуациях общения носителей русского языка в иной культуре применяется и иной язык. Конгруэнция в связке *язык — культура* становится уподоблением новой действительности, что объективно приводит как раз к процессу дивергенции по отношению к собственно русской культуре. Именно возникающая и все более развивающаяся со временем дивергенция выступает причиной того, что сохранение системы как таковой сохраняет язык и позволяет говорить о едином языке, но при этом различаются нормативно-коммуникативные параметры, что влечет за собой определенное нарушение общения.

Стремление «сохранить исходное» проявляется в том, что в условиях конгруэнтности к новым явлениям действительности в определенных коммуникативных пространствах начинает проявляться и «обратная конгруэнция» — стремление организовать все виды коммуникации (вербальные и невербальные, устные и письменные) так, как это принято в исходной лингвокультуре. И если при общении в структуре и в содержании новой действительности происходит уподобление общения этой действительности, то в том случае, когда речь идет о базовой для данного языка действительности (культуре), «вторичная конгруэнция» направлена на некоторое усиление, по крайней мере, внешних параметров этой связи.

Попробуем подобрать для этой ситуации такой термин, который мог бы «работать» и в дальнейших рассуждениях. Допустим: есть субъект, который является носителем одного или более языков. Его социализация протекает в рамках этих языков и сопряженных с ним культур. Например, в России как многоязычном государстве это может быть русский язык, овладение которым происходит в исходной культуре, или любой другой язык, в рамках которого индивид воспитывается в данной стране. При этом возможен и реален (и все более реален!) отрыв одного или более языков от той культуры, в которой и для которой он является базовым. Например, овладение русским языком в семье, живущей в другой стране, объективно не создает того лингвокультурного багажа, который — так же объективно — сложился бы при социализации на этом языке в культуре этого языка.

Современное гуманитарное развитие предполагает, что человек должен иметь возможность и уметь реализовывать потребности своего бытия по крайней мере на нескольких языках и в различных условиях бытия. Это могут быть как языки, приобретенные на разных стадиях его социализации (дом, учеба, окружение и т. п.), так и языки, которыми он должен был овладеть для реализации своих потребностей. Отличительной чертой всех этих языков является то, что они обеспечивают в каждый конкретный момент его *существование* в той или иной культуре, в которой он в настоящий момент находится и реализует свои потребности.

Именно в этой ситуации пребывает любой иностранец, приезжающий в другую страну (другую действительность/культуру) и в целях изучения языка, и в целях получения образования вообще, и в целях работы в условиях этой действительности во взаимодействии с ее представителями. И естественно, что материальной базой этого общения служит конкретная культура, реализуемая на языке и в коммуникации с теми, для кого это условия существования.

В таком понимании русский язык, например, может быть языком существования и в рамках русскоязычной семьи, и в рамках русскоязычной диаспоры, когда общение соотнесено с исходной русской культурой. В определенной степени он может быть в этой среде и языком существования, когда речь идет об ином культурном окружении — обсуждение некоторых ее сторон с позиций стереотипов русской культуры и русского коммуникативного поведения.

Условия современного глобального мира и мобильность человека ставят его перед необходимостью вступать в общение с носителями разных культур и языков в самых разных условиях действительности. При этом собственно языки, на которых осуществляется *сосуществование*, могут быть весьма далеки от той культуры, в среде которой это сосуществование происходит. В современном мире такое общение становится все более и более распространенным. Естественно, что сегодня оно реализуется прежде всего на английском языке. Однако и русский язык занимает в нем достойное место⁶. Интересно, что лет 30–40 назад, когда изучение русского языка во многих странах было обязательным (т. е. подразумевалось, что им «владеет» огромное количество людей), общение на нем как языке сосуществования становилось более ограниченным. Это, на наш взгляд, было обусловлено тем, что он реально не выполнял роли языка сосуществования. В настоящее время, когда практически во всех крупных странах мира есть значительные объединения носителей русского языка, гораздо большее число этих носителей прибывают в страны с разными целями, его роль языка сосуществования в иной культуре становится все более реальной и важной. Один из ярких примеров — недавнее обсуждение вопроса о включении русского языка в качестве рабочего (т. е. языка сосуществования) в деятельность единого европейского сообщества, куда собственно Россия — страна языка — не входит. Наличие больших по величине диаспор требует во многих странах и наличия определенных структур, которые могут осуществлять взаимосвязь с носителями этого языка, когда учет национально-культурной специфики данной диаспоры (как, впрочем, и любой другой) требует владения этим языком и этой культурой. Сосуществование в глобальном экономическом пространстве требует наличия специалистов в сфере делового общения, владеющих русским языком; развитие туризма — специалистов этой сферы. А прагматические потребности работодателей инициируют развитие преподавания русского языка (и любого другого) в стране. Неслучайно русский язык как язык реального сосуществования вышел на второе место в интернет-пространстве [5].

⁶ Другой взгляд на проблему с использованием другой терминологии см.: [10].

Библиографический список

Литература

1. *Белинская Е.П.* Смысловые характеристики понятия «язык» в современной российской этнопсихологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. № 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n4-18/514-belinskaya18> (дата обращения: 14.06.2017).
2. *Белосов В.Н.* О проблемах и перспективах функционирования русского языка в межнациональном общении в современной геополитической ситуации // Язык и общество в современной России и других странах: докл. и сообщения междунар. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.). М., 2010. С. 9–15.
3. *Бубнова И.А.* Эволюция русской языковой личности // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 134–141.
4. *Гончарова В.А.* Метакультура в контексте целей современного иноязычного образования // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 61–68.
5. *Млечко Т.П.* Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев: Славянский ун-т Республики Молдова. 2013. 437 с.
6. *Мустайоки А., Протасова Е.* Быть русским и говорить по-русски [Электронный ресурс] // Slavica Helsingiensia. Т. 24. Русский человек в иноязычном окружении. Helsinki: University of Helsinki. 2004. Р. 5–12. URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh24/index.htm> (дата обращения: 14.06.2017).
7. *Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта, 2004. 224 с.
8. *Пуссинен О.* «Домашний язык». Стратегии функционирования русского языка в качестве второго родного (на примере русскоязычной диаспоры Финляндии) // Большие и малые языки в языковом, культурном и образовательном пространстве поликультурного мира: материалы междунар. симпозиума. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 180–202.
9. *Тарева Е.Г.* Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2 (23). С. 94–101.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 334 с.
11. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 280 с.

References

Literatura

1. *Belinskaya E.P.* Smy'slovy'e karakteristiki ponyatiya «yazy'k» v sovremennoj rossijskoj e'tnopsixologii [E'lektronny'j resurs] // Psixologicheskie issledovaniya. 2011. № 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n4-18/514-belinskaya18> (data obra-shheniya: 14.06.2017).
2. *Belousov V.N.* O problemax i perspektivax funkcionirovaniya russkogo yazy'ka v mezhnacional'nom obshhenii v sovremennoj geopoliticheskoy situacii // Yazy'k i obshhestvo v sovremennoj Rossii i drugix stranax: dokl. i soobshheniya mezhdunar. konf. (Moskva, 21–24 iyunya 2010 g.). M., 2010. S. 9–15.
3. *Bubnova I.A.* E'volyuciya russkoj yazy'kovoj lichnosti // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 134–141.

4. *Goncharova V.A.* Metakul'tura v kontekste celej sovremennogo inoyazy'chnogo obrazovaniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 61–68.
5. *Mlechkо T.P.* Russkaya yazy'kovaya lichnost' blizhnego zarubezh'ya. Kishinev: Slavyanskij un-t Respubliki Moldova. 2013. 437 s.
6. *Mustajoki A., Protasova E.* By't' russkim i govorit' po-russki [E'lektronny'j re-surs] // Slavica Helsingiensia. T. 24. Russkij chelovek v inoyaz'ychnom okruzhenii. Helsinki: University of Helsinki. 2004. P. 5–12. URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh24/index.htm> (data obrashheniya: 14.06.2017).
7. *Proxorov Yu.E.* Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs. M.: Flinta, 2004. 224 s.
8. *Pussinen O.* «Domashnij yazy'k». Strategii funkcionirovaniya russkogo yazy'ka v kachestve vtorogo rodnogo (na primere russkoyazy'chnoj diaspor'y' Finlyandii) // Bol'shie i малы'e yazy'ki v yazy'kovom, kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve polikul'turnogo mira: materialy' mezhdunar. simpoziuma. Tver': TvGU, 2010. S. 180–202.
9. *Tareva E.G.* Obuchenie yazy'ku i kul'ture: instrument «myagkoj sily'»? // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 2 (23). S. 94–101.
10. *Ter-Minasova S.G.* Vojna i mir yazy'kov i kul'tur. M: Slovo, 2008. 334 s.
11. *Te'rner V.* Simvol i ritual. M.: Nauka, 1983. 280 s.

Yu.E. Prokhorov

**The Russian Language in Modern Communication Environment:
Its Role, Place and Linguocultural Paradigm (Part 1)**

The paper dwells on the correlation issues of the Russian language and Russian Culture in global multicultural communication.

Keywords: language; culture; crosscultural communication.